

СТОЛКНОВЕНИЕ НАУЧНЫХ КУЛЬТУР: «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ» И «ГОСУДАРСТВЕННАЯ» ПРОГРАММЫ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ 1990-2000-х гг.

В.И. Коннов

Аннотация. В статье рассматривается столкновение двух программ российской социологии – «университетской», которая предполагает автономный статус социологического сообщества, сосредоточенного преимущественно в вузах, а также полипарадигмальное содержание самой социологии; и «государственной», нацеленной на установление тесной связи между социологией и государственной политикой, на опору преимущественно на государственные институты и выдвигание единой теории, претендующей на объединение всей социологии. Предлагается проследить развитие российской социологии конца 1980-х – 2000-х гг. с позиции анализа социологической науки как культуры особого рода. В качестве доступного анализу главного элемента рассматривается дискурс социологической теории как совокупности вербальных практик, нацеленных на формирование самопрезентации дисциплины.

История социологической дисциплины в России показывает, что её характерной чертой были существенные препятствия на пути достижения профессиональной автономии. В 1990-е гг. российская социология избавляется от идеологических ограничений, однако образец университетской социологии, связанный главным образом с американским опытом, явно диссонирует и с институциональной организацией науки, унаследованной от Советского Союза, и со структурой российской экономики. В этих условиях в противовес такому подходу выдвигаются идеи о внедрении социологии в государственное управление – путь, который ассоциируется с формированием новой государственной идеологии. Острая дискуссия между сторонниками этих подходов составила одну из ключевых характеристик социологической теории в России 1990-2000-х. Исследование показывает, что российская социология сталкивается со слабой востребованностью со стороны российской экономики и политики, и перспектива её развития зависит от возможности найти компромисс между сближением с государством и обеспечением условий для собственной автономии.

Ключевые слова. Научное сообщество, социология науки, история российской социологии, автономия науки.

Введение

Преобразование содержания любой науки в учебник всегда означает вписывание материала в рамки некоторой истории, предлагаемой учащимся. Долгое время основной моделью таких историй было пошаговое продвижение от простейших идей к современным представлениям. Вопреки этой картине, одной из главных целей исследований науки, начиная с 1960-х гг., стала демонстрация того, насколько реальная история любой науки отличается от подобных изложений. Одним из следствий этого стало то, что перед авторами учебников вновь встала проблема, как сделать предельно сложный и, к тому же, разрозненный и противоречивый материал понятным впервые знакомящимся с данной наукой читателям или слушателям?

Полноценное понимание, которое не сводится просто к запоминанию, а предполагает интеллектуальное овладение материалом, ощущение лёгкости в перемещении между его элементами, требует ответа на вопрос «зачем?». И хотя целевые объяснения должны исключаться из самого научного знания как неизбежно субъективные, охватить общую сформированную им картину, не ответив на этот вопрос, оказывается предельно сложным [Силантьева, 2011]. Ответ, который подразумевался в большинстве историй различных наук, заключался в том, что учёные стремятся к достоверности, а поскольку современное состояние науки выглядит более достоверным, чем все предшествующие, оно подспудно и становится их целью. Можно сказать, что, как минимум, эта схема отражает одну из линий реальной истории науки и, к тому же, если главная задача изучения любой научной дисциплины – освоение ее современного состояния, то этот подход позволяет выделить в истории наиболее важные для учащихся элементы.

Таким образом, она хорошо подходит для вводных курсов, но по мере продвижения в глубь научных знаний становится очевидным, что такое объяснение не

даёт убедительной картины научного процесса. История любой науки отчётливо показывает, что учёными движет, по меньшей мере, не только стремление к достоверности. Более того, если в естественных науках, в принципе, можно наблюдать продвижение в направлении более достоверного состояния, то в социальных науках существование подобной направленности остаётся спорным вопросом. Соответственно, их изображение в соответствии с этой схемой приводит к созданию очевидно искусственной картины. Решение этой проблемы является одним из главных направлений современной истории социальных и гуманитарных наук, нацеленной на то, чтобы объяснить развитие социогуманитарного знания с точки зрения столкновения интересов отдельных учёных и научного сообщества с современным им социокультурным контекстом. В настоящей статье предпринимается попытка интерпретировать в этом ключе развитие российской теоретической социологии в переломный период конца 1980-х – 2000-х гг.

Методы

Данное исследование следует традиции научного техноведения, которое возникло на базе истории, социологии и философии науки. Исходным образцом для него послужил подход Т. Куна [Кун, 2003; Kuhn, 1977]. В качестве главных ориентиров в данном случае принимались работы приверженцев «акторно-сетевой теории» [Латур, 2013; Ло, 2015] и школы «социологии научного знания» [Barnes, Bloor, Henry, 1996]. Также следует выделить работы, посвященные анализу дискурса науки и риторики, используемой в научных публикациях [Gilbert, Mulcahy, 1984; Edmondson, 1984; Walsh, 2013].

В центре внимания статьи лежит столкновение двух позиций отечественной социологии: первая связана с представлениями об автономии и полипарадигмальности социологической науки, вторая – с представлениями о социологии как системной дисципли-

не, тесно связанной с государственным управлением. В характеристике контекста данной дискуссии используются работы по истории советской и российской социологии Б.М. Фирсова [Фирсов, 2012], Г.С. Батыгина [Батыгин, 1998], Б.З. Докторова [Докторов, 2013], Д. Шалина [Shalin, 1990, 2008], В. Шляпентоха [Shlapentokh, 1987], Дж. Фишера [Фишер, 2008].

В статье предлагается рассмотреть развитие российской социологии конца 1980-х – 2000-х гг. с позиции анализа социологической науки как культуры особого рода [Коннов, 2014]. Вслед за Э. Шейном, культура группы рассматривается здесь как «система коллективных базовых представлений, приобретаемых группой при разрешении проблем адаптации к внешней среде и внутренней интеграции» [Шейн, 2012: 31-32]. В качестве главного доступного анализу элемента рассматривается дискурс социологической дисциплины как совокупность вербальных практик, нацеленных на формирование самопрезентации дисциплины и адресованных как вовне – научному сообществу в целом, государственной бюрократии, а также студенчеству, – так и самим представителям дисциплины с целью их объединения вокруг общих представлений.

Метод дискурс-анализа используется в исследовании с опорой на работы Т. Ван Дейка [Ван Дейк, 2013] и Дж. Ги [Gee, 2014]. Главным же предметом анализа выступают публикации по социологической теории ведущих отечественных авторов, обладавших возможностью выдвигать идеи, которые могут претендовать на занятие роли коллективных представлений сообщества российских социологов в целом. В качестве примера таковых рассматриваются работы В.А. Ядова [Ядов, 1990, 2006, 2011] и Г.В. Осипова [Осипов, 2003, 2008а, 2008б].

Анализ

Обзор российской истории социологической дисциплины показывает, что,

начиная с момента возникновения, её характерной чертой были существенные препятствия на пути достижения признанной обществом и государством профессиональной автономии. Первые российские социологи появляются не в университетах, а главным образом в оппозиционной публицистике. В период 1870-1880-х гг. российские университеты находились под прямым государственным контролем, профессора фактически рассматривались как государственные служащие, и самостоятельные исследования, которые могли привести к критическим выводам относительно устройства общества и государства, в этих условиях становились невозможными.

Но к этому времени и моменту уже сложилось представление о русском интеллигенте как об образованном специалисте, выступающем с просвещенческих позиций, от лица разума и науки против традиций, препятствующих развитию. Именно внутри этой группы появляются первые русские мыслители, ориентирующиеся на социологическое обоснование своей позиции [Силантьева, 2009]. Государство, которое не признаёт за ними статуса, который дал бы им право делать значимые заявления по общественно-политическим вопросам, по определению не могло быть адресатом их выступлений. И поэтому их тексты адресуются широкой образованной публике и, соответственно, нацелены на завоевание её поддержки.

В целом эта ситуация сохраняется до начала XX в. и начинает меняться после революции 1905 г. Символическим моментом становится открытие кафедры социологии в созданном в 1907 г. частном Психоневрологическом институте, на которой преподают вернувшиеся из эмиграции М.М. Ковалевский и Е.В. де Роберти. В их работах появляется характерная для процесса институционализации социологии проблематика обоснования особенности метода социологии, его отличий от методов психологии и других социальных наук [Де Роберти, 1997а, 1997б; Ковалевский, 1997]. А их главным адресатом, как и для западноевропей-

ских социологов этого периода, становится студенчество.

Однако период развития этих тенденций ограничивается коротким временным промежутком между революциями. После же Октябрьской революции 1917 г. сложившийся в первое послереволюционное десятилетие официальный марксизм объявляет саму претензию социологии на возможность получения объективных знаний идеологической уловкой и, таким образом, отказывает ей в праве претендовать на статус науки. В результате социология лишается базовых позиций, с которых она могла бы пытаться расширить сотрудничество с государством, а попытки найти поддержку со стороны общества вопреки государственной воле пресекаются репрессивными мерами.

Возрождение же социологии в Советском Союзе, начавшееся со второй половины 1950-х гг., связано с технократическими идеями, сложившимися в послевоенный период, а также благодаря развитию статистики, компьютерной техники и методов «исследования операций». Центральной среди них является идея, согласно которой система политического управления может быть в значительной степени заменена технократической системой, в которой будут доминировать специалисты, способные верно диагностировать актуальные общественные проблемы и предлагать оптимальные пути их решения [Коннов, 2015: 89-92]. С продвижением этих идей, которые выглядели предельно увлекательными для учёных-обществоведов того времени, была напрямую связана и возможность широкого признания социологии объективной наукой, - вопрос, занимавший ключевое место в социологической теории в 1960-80-е гг., развитие которой в Советском Союзе было стеснено давлением официальной идеологии [Шестопал, 2016].

Однако ситуация начинает стремительно меняться во второй половине 1980-х гг. За годы перестройки социологическое сообщество заметно усиливает свое влияние. Официальным призна-

нием этого служило принятое 7 июня 1988 г. постановление Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» [Осипов, Москвичев, 2008: 382-392] – единственное в своем роде постановление центрального партийного аппарата горбачевского периода, посвящённое определённой общественной науке. Речь в постановлении шла не только об официальном признании научного статуса социологии и её способности предоставлять объективные данные для нужд государственного управления, но и о создании обширной сети социологических учреждений – факультетов, центров, отдельных подразделений и т.д. – на всех уровнях и практически на всех направлениях деятельности государственного аппарата. Главные роли в этой системе отводились Институту социологии АН СССР и учреждённому постановлением Всесоюзному центру изучения общественного мнения.

Историк социологии Дмитрий Шалин даёт следующую характеристику группе, которой удалось добиться принятия столь значительно расширяющего возможности социологов постановления: «Есть основания считать, что социологи, как и другие советские представители общественных наук, работают в создаваемых и поддерживаемых государством рабочих группах, обеспечивая партию данными, которые играют ключевую роль в определении мер социальной политики. Так, Заславская и Грушин, соответственно директор и заместитель директора Всесоюзного центра изучения общественного мнения, собирают информацию об общественных настроениях, которая, по распространённому мнению, используется Горбачёвым и его помощниками.

Ряд советских социологов (например, Лауристин, Титма, Заславская) избраны для участия в Съезде народных депутатов, а некоторые заняли влиятельные позиции в партийном аппарате. Не стоит также упускать из виду их всё более весомое участие в общественных обсуж-

дениях в Советском Союзе. Это участие обеспечивается как через широкую сеть печати, так и через профессиональные издания» [Shalin, 1990: 1024]. Среди других заметных участников этого движения Шалин называет также И.С. Кона, Г.С. Батыгина, Н.П. Попова, Ю.А. Леваду, И.В. Бестужева-Ладу, О.А. Воронину. В самопозиционировании этой группы Шалин обнаруживает важное противоречие, в целом характерное для всей истории российской социологии.

«Со всей очевидностью мы видим осознанное стремление продвинуть социологию в качестве «орудия перестройки», «помощника реформ» и превратить ее в ценный ресурс с точки зрения политической повестки Коммунистической партии, – постулирует этот автор – И похоже, здесь пути советских социологов расходятся с их партнёрами из естественных наук. В то время как последние (например, генетики) хотели бы изолировать свою науку от современных политических противостояний, советские социологи (или в любом случае их значительная часть) настойчиво стремятся участвовать в обсуждении политических вопросов. требуют предоставления своей науке особого статуса, связанного с ее ролью в качестве инструмента социальных преобразований, и при этом непрерывно проповедуют приверженность исследовательским идеалам» [Shalin, 1990: 1024].

При поддержке этой группы директором-организатором Института социологии (ИС) был назначен В.А. Ядов. На руководство институтом также претендовал заместитель директора преобразуемого Института социологических исследований (ИСИ) Г.В. Осипов. Сохранив свою прежнюю должность после назначения Ядова, Осипов занялся продвижением собственной исследовательской программы, фактически конкурировавшей с программой нового директора. Главное противоречие между программами было политическим: обе были сконцентрированы на исследовании процессов, связанных с перестройкой, но директорская была больше нацелена

на поддержку скорейшего продвижения реформ [Ядов, 2011], а заместителя – в большей степени предполагала их критику [Осипов, 20086].

Это расхождение между Ядовым и Осиповым получило отражение в продвигаемых двумя социологами методологических подходах. Представлениям Ядова о положении социологии в кругу естественных и общественных наук была посвящена его статья «Размышления о предмете социологии», опубликованной в 1990 г. [Ядов, 1990] В том же году вышла книга Г.В. Осипова «Социология и социализм», в которой автор высказывал свои взгляды на роль социологического знания [Осипов, 20086]. При сравнении эти две публикации дают картину двух принципиально разных взглядов на социологию и её общественное положение.

В своей статье директор ИС в первую очередь проводит чёткую границу между идеологией и общественной наукой, утверждая за последней статус объективного знания. «Наука, в том числе общественная, призвана отражать объективную истину, используя обновляющийся аппарат знания о своём предмете, – пишет Ядов. – Идеология выполняет иную функцию: выражает социальный интерес определённых общественных сил. Идеологическое сознание, во-первых, центрировано на выражении коренных социальных интересов и, во-вторых, представляет их как систему взглядов, касающихся целей достижения некоторого социального идеала и средств, которые должны (или могут) быть для этого использованы» [Ядов, 1990: 4].

Основную же задачу своей работы он видит в том, чтобы выделить специфический предмет социологии, отделяющий её от других обществоведческих дисциплин: «Чтобы подойти к определению предмета социологии, надо найти основное, ключевое понятие этой науки, подобно тому, как, рассуждая о политической экономии, К. Маркс выделил главную ее категорию – товар. Что выступает такой ключевой категорией в нашей науке?» [Ядов, 1990: 12] Ответ, к

которому приходит Ядов, – социальная общность – понятие, которое позволяет охватить все социальные образования, связанные некоторым общим интересом. Такое определение позволяет выделить социологию как самостоятельную научную дисциплину, имеющую и «задачи собственного развития», и «задачи преобразовательные». Последние были исторически связаны с проблемами социальной политики и планов социально-го развития.

Одновременно такое понимание позволяло, по мнению Ядова, объединить микро- и макросоциологический подходы, так как с помощью представления об общности, основанной на некотором социальном интересе, можно раскрыть и причины социального поведения отдельных индивидов, и формирование различных социальных образований. При этом Ядов всё же отдаёт предпочтение макросоциологической перспективе. «Диалектика общего и особенного помогает понять и правдоподобно истолковать данные многомерного анализа массовой статистики, ограждает от соблазна получить безусловно достоверную информацию путём бесконечной дифференциации переменных, сведения общей тенденции к её конкретно-эмпирическим состояниям в отдельных точках социального пространства в данный момент времени, – пишет он. – Этот метод анализа наблюдается в стремлении безудержно разукрупнять общий массив данных. Само по себе действие разумное, если бы за ним не стояло отвержение диалектически противоположного здравого утверждения о том, что в массе единичных событий следует искать и сущностно общие проявления» [Ядов, 1990: 7].

В статье Ядова представлена смягчённая версия советского марксизма, и при этом она отражает актуальное на 1990-е гг. состояние западной теоретической социологии. Предлагая собственный подход к преодолению раскола между микро- и макротеориями, предназначенный главным образом для использования в пределах отечествен-

ной социологической традиции, он признает, что «мировая социология ждёт лидера, который отважится предложить принципиально новую парадигму, интегрирующую макротеоретический и микротеоретический подходы к изучению целостности общественного организма и социальных процессов» [Ядов, 1990: 15]. Его позиция выражает принятие множественности точек зрения в социологии, ее полипарадигмальности и готовности работать в таких условиях.

По всем этим моментам Осипов высказывал отличающиеся, а иногда и прямо противоположные мнения. Прежде всего, он не проводил границу между наукой и идеологией как между объективным знанием и интеллектуальной деятельностью, выражающей определённые интересы и превращающей их в цели. Напротив, он высказывал мнение, что «социологическое знание имеет исключительно важное значение не только для познания законов и закономерностей функционирования и развития социетальной системы, но и для выработки научно обоснованной социальной политики, которая определяет основные ориентиры и цели социальной практики» [Осипов, 2008б: 31]. Более того, «научное познание и наиболее полный учёт требований законов общественного развития в социально-экономическом конструировании прямо пропорциональны поступательному прогрессивному развитию общества, установлению социального порядка, целесообразности и социальной справедливости» [Осипов, 2008б: 235]. Говоря проще, улучшение жизни общества напрямую зависит от внедрения социологии в политику, асоциологическая наука, таким образом, одновременно претендовала и на объективность, и на то, чтобы занять место идеологии в определении целей социального развития.

Осипов не пытался отграничить предмет социологии таким образом, чтобы защитить её от смешения с другими общественными науками и возможного подчинения им. Напротив, он заявлял о том, что «в обществе нет таких объ-

ектов, которые социология не изучала бы». А как целое её объект может быть определён следующим образом: «Вся совокупность связей и отношений, которые носят название связей и отношений социальных» [Осипов, 2008б: 73]. В то же время социология имеет свой специфический предмет, полагает Осипов. Под предметом любой научной дисциплины он предлагает признать модель объекта, которая сводит его к набору закономерностей, интересующих данную науку. Но если в статье Ядова в социологическую модель общества предлагается включать связи, основанные на совпадающих интересах и формирующие социальные общности, то здесь модель, которую предположительно должна построить социология, оказывается гораздо сложнее.

По мнению Осипова, «специфика социологического подхода к обществу заключается в том, что общество рассматривается как единый социальный организм, развитие и функционирование которого осуществляется через посредство взаимодействия экономической, социальной, политической и идеологической сторон его жизнедеятельности. Кроме того, закономерности развития и функционирования социальной стороны как относительно самостоятельной сферы жизнедеятельности общества также являются предметом социологической науки» [Осипов, 2008б: 73]. Столь обширный предмет включает в себя также и «общую социологическую теорию или теорию общества, которая выступает как теория и методология всех других социальных и гуманитарных наук» [Осипов, 2008б: 79].

В советской традиции это положение занимала марксистская философия, открыто принимавшая на себя функцию формирования идеологии. В схеме, которую чертит Осипов, её место должна занять социология, но с важным уточнением. «То, что социология занимает общее, а не частное место среди социальных и гуманитарных наук, не означает и не должно означать её превращение в науку философскую. Её значение для дру-

гих наук заключается в том, что она даёт научно обоснованную теорию об обществе и его структуре...» [Осипов, 2008б: 79]. Таким образом, социология должна одновременно претендовать и на роль объективной науки, и на роль идеологического ядра всего знания об обществе.

По вопросу разделения макро- и микросоциологии Осипов, придерживаясь основной линии социологической теории 1990-х гг., выступает за объединение двух подходов и подчёркивает, что отношения между обществом и индивидуальной личностью характеризуются взаимной детерминацией, что человек одновременно и продукт социальной системы, и её движущая сила. Однако в отличие от Ядова, склонявшегося к выбору в качестве основного макросоциологического подхода, Осипов смещает акценты в пользу микроперспективы. Учитывая, что он предлагает понимать социологию как науку, которая может и должна определять общественные цели, неудивительно, что это акцентирование происходит в связи с политическим контекстом.

Приветствуя перестроечные преобразования, он критикует «старое социальное мышление». По его мнению, оно – «выпускало из виду, что социальные структуры функционируют, а социальные механизмы приводятся в движение через посредство деятельности людей, находящихся в самых различных связях и отношениях и осуществляющих свою деятельность во имя удовлетворения своих индивидуальных потребностей и интересов, что их деятельность должна быть соответствующим образом мотивирована и стимулирована». «Именно поэтому, – продолжал он, – отправной пункт перестройки всей системы общественных отношений, осуществляемой в СССР, – не социально-экономические структуры и организационные формы, а человек, мотивы и стимулы его социальной деятельности, его мышление и психология» [Осипов, 2008б: 183]. Этой же логике следует выделить измерительных техник, позволяющих оценить субъективное отношение индивида к

социальным реалиям, в том числе изменение «удовлетворенности», в качестве ключевого элемента разветвленной системы социальных индикаторов, построение и совершенствование которых Осипов считает одной из главных задач социологии.

В 1991 г. разногласия групп Ядова и Осипова привели к переходу части сотрудников ИС во главе с последним в Институт социально-политических исследований, созданный в структуре новой Российской академии наук. Ядов же оставался директором ИС до 2000 г. Однако противостояние двух программ, ассоциировавшихся с именами директоров теперь уже двух социологических институтов, на этом не закончилось. На протяжении 1990-2000-х гг. вокруг них складываются два принципиально различных направления развития российской социологии. Первое, ассоциирующееся главным образом с Институтом социологии, предполагает принятие множественности несовпадающих точек зрения, составляющих «полипарадигмальную» социологическую науку, при одновременном стремлении к автономии от государственной власти. Это стремление не подразумевало изоляции от политики. По мысли Ядова, социология должна обладать способностью «влиять на движение социальных планет» [Докторов, 2012: 184], но в роли самостоятельного центра влияния. И ни в коем случае она не должна сливаться с идеологией – позиции учёного и идеолога Ядов прямо называет несовместимыми [Ядов, 2008].

Противоположный взгляд на эту проблему продвигается Осиповым. Признавая современную социологию полипарадигмальной, он полагает, что, тем не менее, социологические парадигмы естественным образом сближаются, демонстрируют «когерентность», и актуальной тенденцией является её постепенный переход к «монопарадигматическому статусу». Если такая тенденция действительно имеет место, то достижение единства превратит социологию в науку, аналогичную по досто-

верности естественным, что делает её необходимой основой для социального управления. Именно это и предполагает Осипов, когда пишет: «Социальные трансформации должны быть поставлены под строгий научный контроль, и этот контроль возможен на основе получения конкретных данных социологии, социальной статистики, других социальных наук». А значит, «речь должна идти о включении социологического знания в систему управления обществом, его различных институтов и организаций» [Осипов, 2003].

Осипов не только не считает необходимым разделять социологию и идеологию, но напротив, утверждает, что социология должна заниматься формированием идеологии: «Ведь что такое идеология? Это наука об идеях. Следовательно, и сами идеи должны быть научны». Путь к формированию этих идей заключается в следующем: «Идеология – результат творчества самого народа, а задача науки – изучить, понять это творчество и точно сформулировать его результат» [Страна без идеологии, 2003].

Обобщающая и доступная характеристика двух течений или парадигм дается А.Г. Здравомысловым: «*Первая парадигма*: общество – объект исследования и предмет управления. Наука исследует, власть управляет. Хорошая власть опирается на исследования, а плохая – не опирается; и в этом корень зла». Понятно, что этот подход ассоциируется с Осиповым и его единомышленниками. «*Вторая парадигма*: и власти, и наука – сами по себе часть общества. Это и социальные институты, деятельность которых ограничена специфическими функциями и рамками, и жизненные миры со своими огорчениями и радостями, и люди... И поле власти, и поле науки ограничены своим временем, способностями, распределением ресурсов, культурой» [Здравомыслов, 2007: 130]. Эта позиция, близкая и самому Здравомыслову, ассоциируется с линией, проводимой Ядовым. В свою очередь, Д. Шалин, находит в этих разногласиях отражение конфликта теоретического плюрализма с теоретическим монизмом,

характеризуемый им как закономерный этап развития социологии, с которым американские социологи столкнулись еще в конце 1960-х гг. [Shalin, 2008].

Для того чтобы понять причины этого разногласия, стоит обратить внимание на то, какие модели организации социологической науки имеют в виду две конкурирующие парадигмы. Плюралистическая подразумевает её существование в той форме, в которой существует американская академическая социология – с размещением в университетах, с финансированием исследовательской работы главным образом на конкурсной основе со стороны множества частных и государственных фондов, и по соседству с крупным сектором «социальных исследований», представленным различными коммерческими и общественными организациями. В этих условиях основой автономии социологической дисциплины служит платёжеспособный спрос на те интеллектуальные ресурсы, которые она может предложить. Студенты заинтересованы в получении социологического образования, потому что оно открывает путь не только к исследовательско-преподавательской карьере, но и к целому набору профессий, связанных с социальной политикой, политическим консультированием, маркетингом, рекламой и т.д.

Сектор социальных исследований выступает прикладной отраслью, демонстрирующей практическую применимость социологических знаний, и свидетельствует в пользу академической социологии в том же ключе, в котором информатика работает на авторитет математики, а инженерное дело – физики. И наконец, частные и государственные фонды видят в расширении социологических знаний один из главных элементов развития гражданского общества. Важным моментом является то, что все это ориентирует социологию на широкий круг негосударственных структур. Даже те американские университеты, которые имеют статус государственных, подотчётны не федеральной власти, а правительствам штатов, и обладают

статусом, во многом схожим с частными университетами [Коннов, Репина, 2015]. В свою очередь, государственные фонды имеют особое положение в системе органов федеральной власти и активно применяют модель «самоуправления научного сообщества», в рамках которой решения о поддержке научных проектов принимаются преимущественно на основе экспертных заключений, предоставляемых действующими учёными [Коннов, 2009].

В этих условиях разнообразие подходов, ассоциирующееся с полипарадигмальностью, соответствует разнообразию заинтересованных в социологии лиц – для каждого из них социология готова предоставить наиболее подходящий формат. Фактически это может компенсировать потери в авторитете, наносимые любой науке тем фактом, что представляющие её учёные очевидным образом не способны прийти к единой, бесспорно подтвержденной точке зрения.

Условия, в которых существует социология в России, – принципиально иные. Востребованность социологических знаний оказывается значительно ниже – в силу снижения роли конкурентной политики, слабости сектора общественных организаций и значительно менее развитой экономической отрасли услуг. Всё это прямо влияет на уровень востребованности социологического образования и, соответственно, на возможности автономии социологической дисциплины, существующей на университетских кафедрах. И в этих условиях гораздо сложнее реализовать преимущества ее полипарадигмального содержания. Диссонанс тем более возникает в случае развития полипарадигмальной теоретической социологии на основе государственных институтов, основной формой финансирования которых является «государственное задание».

Этот диссонанс, по-видимому, и подталкивает современных сторонников теоретического монизма к попыткам новой интерпретации модели взаимодействия социологического сообщества и государства, характерной для совет-

ского периода. В 1960-1980-е гг. борьба шла не столько вокруг автономии социологии, сколько вокруг её внедрения в идеологический и плановый аппараты государства. Для этого было необходимо потеснить главную идеологическую дисциплину – марксистскую философию, «партийности» которой противопоставлялась «научность» социологии. В случае, если удавалось доказать, что социальная наука способна делать объективные выводы о состоянии общества и составлять на их основе достоверные прогнозы, это обеспечивало ей явное преимущество над официальной философией, которая претендовала лишь на общее видение направления общественного развития и на способность выражать интересы класса, стоящего на «верной стороне истории».

В 1960-е гг. подобная перспектива ассоциировалась с системной теорией и компьютерной техникой, которые, как казалось многим, могли обеспечить математическую точность социальных прогнозов. В условиях советской централизации переход к подобному «научному управлению» казался ещё более перспективным, чем в США и других западных странах. Поэтому популярность среди советских социологов Парсонса, считавшегося идеологом технократов [Фирсов, 2012], отнюдь не случайна. В этом технократическом духе выдержана книга Осипова 1990 г. Однако в его статьях 2000-х появляется модель, в которой место классовой идеологии должна занять уже не точная социальная наука, а полученное с помощью социологических методов знание о подлинных национальных интересах, растворённых в народной культуре. Речь снова идёт о том, что социология должна принять – теперь уже освободившуюся, – роль официальной идеологии, а перспективы социологии, таким образом, всё также ассоциируются с участием в государственном управлении.

Заключение

Рассмотрение научных дисциплин в качестве культур, разделяемых группами специалистов, позволяет выйти за пределы традиционной истории науки, содержащей главным образом различные точки зрения на её предмет. Представление же о науке как о культуре позволяет уделить внимание и содержательной стороне научной деятельности, и её социальному аспекту, естественным образом подразумевающим упрочение её общественного положения.

Исследование с этих позиций российской социологии конца 1980-х – 2000-х показывает, что в этот период она полностью избавляется от идеологических ограничений и, казалось бы, приобретает полную свободу добиваться собственного признания и автономии. Однако воспринятая советскими социологами-теоретиками модель американской академической социологии явно диссонирует с институциональной структурой науки, унаследованной от Советского Союза, и структурой российской экономики.

На общественной востребованности социологии также сказываются и политические реформы 2000-х гг., значительно снизивших значение конкурентной политики в общественной жизни. В этих условиях на первый план вновь выходят идеи о внедрении социологии в государственное управление, однако этот путь предполагает формирование новой официальной государственной идеологии и, соответственно, отвечающего за неё аппарата – перспектива, ассоциирующаяся с повторением, возможно, самого неэффективного элемента советского управления, и вряд ли реализуемая в современном контексте.

Список литературы:

- Бытыгин Г.С. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России / под ред. Ядова В.А. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 19-38.
- Ван Дейк Т. Дискурс и власть. М.: URSS, 2013. 340 с.
- Де Роберти Е.В. Задачи социологии // Социология в России XIX – начала XX века. Социология как наука / Под ред. Добренкова В.И. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997а. С. 39-54.
- Де Роберти Е.В. Современное состояние социологии // Социология в России XIX – начала XX века. История социологии. Социологическое образование / Под ред. Добренкова В.И. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997б. С. 64-93.
- Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 2: Беседы с социологами четырех поколений. М.: ЦСПИМ, 2012. 1343 с.
- Докторов Б.З. Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 560 с.
- Здравомыслов А.Г. Национальные социологические школы в современном мире // Общественные науки и современность. 2007. №5. С. 114-130.
- Ковалевский М.М. Природа социологии. Отношение ее к философии истории, этике и психологии. Социология и учение о социальной жизни животных. Социология и статистика // Социология в России XIX – начала XX века. Социология как наука / Под ред. Добренкова В.И. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. С. 15-38.
- Коннов В.И. Динамика культуры научного сообщества: опыт социологической науки. М.: МГИМО-Университет, 2015. 246 с.
- Коннов В.И. О государственных научных фондах // Российский экономический журнал. 2009. № 6. С. 95-101.
- Коннов В.И. Социально-психологические основы национальной научно-исследовательской культуры // Психологический журнал. 2014. №5. С. 19-27.
- Коннов В.И., Репина М.И. Эволюция моделей университетского управления от «studium generale» до «предпринимательского университета» // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 40. С. 35-47.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Издательство АСТ Ермак, 2003. 605 с.
- Латур Б. Наука в действии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
- Ло Дж. После метода: Беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. 352 с.
- Осипов Г.В. Возрождение социологии в России (Доклад на юбилейной сессии РАН, 26 марта 2008а) [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=699 (дата обращения: 17.10.2017).
- Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке [Электронный ресурс] // Образование и общество. Научный информационно-аналитический журнал. 2003. №5. URL: http://www.jeducation.ru/5_2003/42-2.html (дата обращения: 17.10.2017).
- Осипов Г.В. Социология и социализм. М.: Вече, 2008б. 368 с.
- Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Издательство «Экономика», 2008. 646 с.
- Силантьева М.В. Духовный путь русской интеллигенции и её сегодняшние ответы на «вызовы» времени // Перспективы цивилизации. Философские проблемы / ред. Хрустов Г.Ф., Шестопал А.В. М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 540-561.
- Силантьева М.В. Элитное образование в МГИМО(У): философско-культурологические подходы к проблеме качества образования // Вестник МГИМО-Университета. 2011. №1. С. 291-299.
- Страна без идеологии – как человек без мыслей. Интервью Геннадия Осипова // Завтра. 2001. 4 марта. С. 3.

Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950-1980-е годы. Очерки. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2012. 476 с.

Фишер Дж. Теория и практика социологических исследований в СССР // Социология в СССР: взгляд изнутри и извне. М.: Вече, 2008. С. 343-396.

Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2012. 330 с.

Шестопал А.В. МГИМО: лица и поколения. М.: МГИМО-Университет, 2016. 200 с.

Ядов В.А. Для чего нужна национальная русская социология [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИС РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=909> (дата обращения: 17.10.2017).

Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. №2. С. 3-16.

Ядов В.А. Скверная история [Электронный ресурс]. URL: <http://trv-science.ru/2011/12/06/skverna-ya-istoriya/> (дата обращения: 17.10.2017).

Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.

Barnes B., Bloor D., Henry J. Scientific Knowledge: A Sociological Analysis. L.: The Athlone Press; Chicago: The University of Chicago Press, 1996. 230 p.

Edmondson R. Rhetoric in sociology. L.: The Macmillan Press Ltd., 1984. 190 p.

Gee J. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method. L.: Routledge, 2014. 242 p.

Gilbert G.N., Mulkay M. Opening Pandora's box. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 212 p.

Kuhn T. The Essential Tension. Chicago: University of Chicago Press, 1977. 366 p.

Shalin D. National Sociology and Paradigm Pluralism: Pragmatist Reflections on Current Russian Sociology. Available at: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shalin_partioticsoc.html (Accessed 17 Oktober 2017).

Shalin D. Sociology for the Glasnost Era: Institutional and Substantive Changes in Recent Soviet Sociology // Social Forces. 1990. № 68(4). P. 1019-1039.

Shlapentokh V. The Politics of Sociology In The Soviet Union. Boulder: Westview Press, 1987. 313 p.

Walsh L. Scientists as prophets: A rhetoric genealogy. N.Y.: Oxford University Press, 2013. 276 p.

Об авторе:

Коннов Владимир Иванович – к. социол. н., доцент кафедры философии Московского государственного института международных отношений МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 . E-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект №16-18-10282

THE CLASH OF SCIENCE CULTURES: “ACADEMIC” AND “STATE” RESEARCH PROGRAMS OF RUSSIAN SOCIOLOGY IN 1990-2000

V. Konnov

Abstracts. *In the article the author considers the collision of two programs for the development of sociology, “academic” program, which provides for an autonomous position of the sociological community predominantly based in higher education institutions, as well as for a poliparadigmatic content of sociology; and “practical” program, aimed at the integration of sociology into state*

policy apparatus, reliance on state institutions and development of a unitary sociological theory. An attempt is made to examine the development of Russian sociology from late 1980s till 2000s as a development of a science culture. The main subject of analysis is the theoretical discourse of sociology, which is considered as a complex of verbal practices aimed at building a self-presentation of the discipline.

The history of sociology in Russia shows that its typical trait was a constant difficulty in attaining autonomous position. In the 1990s Russian sociology recovered from ideological restrictions. However, the model of the American academic sociology comes in dissonance with the institutional structure of science inherited from the Soviet period as well as with the structure of Russian economy. Countering this approach, an influential group of sociologists advocates ideas of implementing sociology in government policies and its participation in forming of a new state ideology. An intense discussion between adherents of these two models is one of the key processes in Russian sociology of 1990-2000s.

Key words. *Scientific community, sociology of science, history of Russian sociology, science autonomy.*

References:

Bytygin G.S. Preemstvennost' rossijskoj sociologicheskoy tradicii [The Continuity of the Russian sociological tradition]. *Sociologija v Rossii* [Sociology in Russia] / under the editorship of V.A. Yadov. Moscow, Institute of sociology RAS, 1998. pp. 19-38 (In Russian).

Van Dejk T. Diskurs i vlast' [Discourse and power]. Moscow, URSS, 2013. 340 p. (In Russian).

De Roberti E.V. Zadachi sociologii [the Problem of sociology]. *Sociologija v Rossii XIX – nachala XX veka. Sociologija kak nauka* [Sociology in Russia XIX – early XX century. Sociology as science] / Under the editorship of Dobrenkov V.I., Moscow, International University of business and management, 1997a. pp. 39-54 (In Russian).

De Roberti E.V. Sovremennoe sostojanie sociologii [Modern condition of sociology]. *Sociologija v Rossii XIX – nachala XX veka. Sociologija kak nauka* [Sociology in Russia XIX – early XX century. Sociology as science] / Under the editorship of Dobrenkov V.I., Moscow, International University of business and management, 1997b. pp. 64-93 (In Russian).

Doktorov B.Z. *Sovremennaja rossijskaja sociologija: Istoriko-biograficheskie poiski. V 3-h tt. Tom 2: Besedy s sociologami chetyreh pokolenij* [Modern Russian sociology: Historical and biographical searches. In 3 volumes Volume 2: Interviews with sociologists of four generations]. Moscow, CSPIM, 2012. 1343 p. (In Russian).

Doktorov B.Z. *Sovremennaja rossijskaja sociologija: Istorija v biografijah i biografii v istorii* [Modern Russian sociology: History in biographies and biography in history]. Saint-Petersburg, Publishing house of the European University in Saint-Petersburg, 2013. 560 p. (In Russian).

Zdravomyslov A.G. Nacional'nye sociologicheskie shkoly v sovremennom mire [National school of sociology in the modern world]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost' – Public Sciences and modernity*, 2007, no. 5, pp. 114-130 (In Russian).

Kovalevskij M.M. Priroda sociologii. Otnoshenie ee k filosofii istorii, jetike i psihologii. Sociologija i uchenie o social'noj zhizni zhivotnyh. Sociologija i statistika [The Nature of sociology. Its relation to the philosophy of history, ethics and psychology. Sociology and the doctrine of the social life of animals. Sociology and statistics]. *Sociologija v Rossii XIX – nachala XX veka. Sociologija kak nauka* [Sociology in Russia XIX – beginning of XX century. Sociology as science] / Under the editorship of Dobrenkov V.I. Moscow, International University of business and management, 1997. pp. 15-38 (In Russian).

Konnov V.I. *Dinamika kul'tury nauchnogo soobshhestva: opyt sociologicheskoy nauki* [Dynamics of the culture of the scientific community: the experience of sociological science]. Moscow, MGIMO-University, 2015. 246 p. (In Russian).

Konnov V.I. O gosudarstvennyh nauchnyh fondah [On state scientific funds]. *Rossijskij jekonomicheskij zhurnal – Russian economic journal*, 2009, no.6, pp. 95-101 (In Russian).

Konnov V.I. Social'no-psihologicheskie osnovy nacional'noj nauchno-issledovatel'skoj kul'tury [Social-psychological framework of the national scientific research culture]. *Psihologicheskij zhurnal – Psy-*

chological journal, 2014, no.5, pp. 19-27 (In Russian).

Konnov V.I., Repina M.I. Jevoljucija modelej universitetskogo upravljenja ot «studiumgenerale» do «predprinimatel'skogo universiteta» [Evolution of University management models from "studiumgenerale" to "entrepreneurial University"]. *Mezhdunarodnye process - International processes*, 2015, V. 13, no. 40, pp. 35-47 (In Russian).

Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*. 2nd ed. Chicago, The University of Chicago Press, 1970. 210 p. (Russ. ed.: Kun T. *Struktura nauchnyh revoljucij*. Moscow, Publishing house AST Ermak, 2003. 605 p.).

Latur B. *Nauka v dejstvii* [Science in action]. Saint-Petersburg, Publishing house of the European University in Saint-Petersburg, 2013. 414 p. (In Russian).

Lo Dzh. *Posle metoda: Besporjadok i social'naja nauka* [After method: Mess and social science]. Moscow, Publishing House Of The Gaidar Institute, 2015. 352 p. (In Russian).

Osipov G.V. *Vozrozhdenie sociologii v Rossii (Doklad na jubilejnoj sessii RAN, 26 marta 2008a)* [The Revival of sociology in Russia (a Report to the jubilee session of the Russian Academy of Sciences, March 26, 2008a)]. Available at: http://www.isras.ru/index.php?page_id=699 (Accessed 17 October 2017) (In Russian).

Osipov G.V. Rossijskaja sociologija v XXI veke [Russian sociology in the twenty-first century]. *Obrazovanie i obshchestvo. Nauchnyj informacionno-analiticheskij zhurnal - Education and society. Scientific information-analytical journal*. 2003. no. 5. Available at: http://www.jeducation.ru/5_2003/42-2.html (Accessed 17 October 2017) (In Russian).

Osipov G.V. *Sociologija i socialism* [Sociology and socialism.]. Moscow, Veche, 2008b. 368 p. (In Russian).

Osipov G.V., Moskvichev L.N. *Sociologija i vlast' (kak jeto bylo na samom dele)* [Sociology and government (as it was actually)]. Moscow: Publishing House «Economics», 2008. 646 p. (In Russian).

Silant'eva M.V. Duhovnyj put' russkoj intelligencii i ejo segodnjashnie otvety na «vyzovy» vremeni [The Spiritual path of the Russian intelligentsia and its today's answers to the «challenges» of time]. *Perspektivy civilizacii. Filosofskie problemy* [Perspectives of civilization. Philosophical issues] / edited by G.F. Khrustov, A.V. Shestopal, Moscow, MGIMO-University, 2009. pp. 540-561 (In Russian).

Silant'eva M.V. Jelitnoe obrazovanie v MGIMO(U): filosofsko-kul'turologicheskie podhody k probleme kachestva obrazovanija [Elite education at MGIMO(U): philosophical and cultural approaches to the problem of quality of education]. *Vestnik MGIMO-Universiteta - Vestnik of MGIMO-University*, 2011, no. 1. pp. 291-299 (In Russian).

Strana bez ideologii – kak chelovek bez myslej. Interv'ju Gennadija Osipova [A country without ideology is like a man without thoughts. Interview with Gennady Osipov]. *Zavtra – Tomorrow*, 2001, 4 March, p. 3 (In Russian).

Firsov B.M. *Istorija sovetskoj sociologii: 1950-1980-e gody. Očerki* [The History of Soviet sociology: 1950-1980-ies. Essays]. Saint-Petersburg, European University at Saint-Petersburg, 2012. 476 p. (In Russian).

Fisher Dzh. Teorija i praktika sociologicheskikh issledovanij v SSSR [Theory and practice of sociological research in the USSR]. *Sociologija v SSSR: vzgljad iznutri i izvne* [Sociology in the USSR: a view from within and without]. Moscow, Veche, 2008. pp. 343-396 (In Russian).

Shejn Je. *Organizacionnaja kul'tura i liderstvo* [Organizational culture and leadership]. Saint-Petersburg, Piter, 2012. 330 p. (In Russian).

Shestopal A.V. *MGIMO: lica i pokolenija* [MGIMO: persons and generations]. Moscow, MGIMO-University, 2016. 200 p. (In Russian).

Jadov V.A. Dlja chego nuzhna nacional'naja russkaja sociologija [Why we need a national Russian sociology]. *Oficial'nyj sajt IC RAN* [Official site IS RAS]. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=909> (Accessed 17 October 2017) (In Russian).

Jadov V.A. Razmyshlenija o predmete sociologii [Reflections on the subject of sociology]. *Sociologicheskie issledovanija - Sociological research*, 1990, no. 2, pp. 3-16 (In Russian).

Jadov V.A. *Skvernaja istorija* [Bad story]. Available at: <http://trv-science.ru/2011/12/06/skvernaya-istoriya/> (Accessed 17 October 2017) (In Russian).

Jadov V.A. *Sovremennaja teoreticheskaja sociologija kak konceptual'naja baza issledovanija rossijskich*

transformacij: kurs lekcij [Modern theoretical sociology as a conceptual basis for the study of Russian transformations: a course of lectures.]. Saint-Petersburg, Intersocis, 2009. 138 p. (In Russian).

Barnes B., Bloor D., Henry J. *Scientific Knowledge: A Sociological Analysis*. London, The Athlone Press; Chicago: The University of Chicago Press, 1996. 230 p.

Edmondson R. *Rhetoric in sociology*. London, The Macmillan Press Ltd., 1984. 190 p.

Gee J. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*. London, Routledge, 2014. 242 p.

Gilbert G.N., Mulkay M. *Opening Pandora's box*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 212 p.

Kuhn T. *The Essential Tension*. Chicago: University of Chicago Press, 1977. 366 p.

Shalin D. *National Sociology and Paradigm Pluralism: Pragmatist Reflections on Current Russian Sociology*. Available at: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shalin_partioticsoc.html (Accessed 17 Oktober 2017).

Shalin D. Sociology for the Glasnost Era: Institutional and Substantive Changes in Recent Soviet Sociology, *Social Forces*, 1990, no. 68(4), pp. 1019-1039.

Shlapentokh V. *The Politics of Sociology In The Soviet Union*. Boulder: Westview Press, 1987. 313 p.

Walsh L. *Scientists as prophets: A rhetoric genealogy*. New York, Oxford University Press, 2013. 276 p.

About the Author:

Vladimir Konnov – Ph.D. (Sociology), Associate Professor, Department of Philosophy of MGIMO-University. Russia 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo 76. E-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru.